

Чжоу Юньшэн не обращал внимания на громкую бессвязную речь Орландо. Он увидел парящий в воздухе ароматный туман и потянулся к нему, затем поднес ладонь к носу, чтобы понюхать. Он, казалось, наслаждался запахом и лениво улыбнулся. Затем он схватил горсть слегка увядших лепестков и сжал, открыл рот и высунул кончик языка, чтобы облизать и пососать ярко-красный сок на пальцах.

Всякий раз, когда он был пьян, он всегда чувствовал жажду.

Пьяный подросток-эльф и ароматный туман, смешанные вместе, с его телом, покрытым ярко-красными цветами и лепестками, создавали очень красивую, но сладко развращающую, соблазнительную сцену. Оператор вспотел, его лицо покраснелось, он едва мог выдержать визуальное воздействие мальчика, но ему пришлось выдержать и продолжать снимать.

Директор забыл отдать приказы, а сотрудники забыли, куда они направляются. Все они ошеломленно смотрели на молодого человека, но Орландо все еще бормотал: "Этот кадр нельзя пропустить... Хорошо, а, закрой сок, пока он лижет... ах, но также возьмите крупным планом его лицо, закройте его глаза... и ноги, его ноги тоже должны быть показаны... Ах! Его круглые розовые пальчики слишком милые!".

"Орландо, заткнись!", - Цао Мо Кун затушил сигарету и невыносимо закричал, его голос звучал очень неровно и хрипло.

Орландо немедленно изобразил молнию, которая тянется по его губам.

Чжоу Юньшэн катался взад и вперед по лепесткам в течение нескольких кругов, его голова почти кружилась, когда он услышал, как директор, наконец, сказал: "Сделайте перерыв, подождите минутку, пока мыотрегулируем оборудование".

Он вздохнул с облегчением, затем убрал волосы с покрасневших глаз.

"Линь Чэнцзе", - сзади раздался низкий, хриплый голос.

"Цао Шушу (дядя)", - Чжоу Юньшэн почтительно поздоровался.

Цао Мо Кун, очевидно, не ожидал, что он обратится к нему таким образом, его улыбка на мгновение застыла, но он ничего не сказал об этом, он просто помог вытереть носовым платком цветочный сок с губ молодого человека и ушел. (Цао Мо Кун, естественно, был смущен от того, что чувак, с которым он пытается переспать, называл "дядей").

Его помощник посмотрел на Мэйлинь и сказал: "После окончания съемок будет ужин. Пожалуйста, обязательно приходите. Мы уходим первыми, увидимся позже".

Ю Мэйлинь кивнула, ее лицо побледнело. Теперь они стояли посреди его территории и тоже работали на него, даже если они не хотели идти на этот ужин, они все равно должны были это сделать.

"Линь Цзе, будь осторожен позже, не пей слишком много".

"Я знаю, сестра, у меня есть здравый смысл", - Чжоу Юньшэн не возражал. Он давно знал, что столкнется с такой вещью, если займется индустрией развлечений, но у него была возможность защитить себя, поэтому он не слишком беспокоился об этом.

"Если ты действительно не можешь устоять перед ним, постарайся извлечь из этого какую-

нибудь выгоду. Ты слышал о Цао Мо Куне, верно? Люди не зря называют его большой белой акулой. Но если ты сможешь угодить ему, преимущества очевидны. Он может гарантировать твое будущее в кратчайшие сроки. Чжан Ицзя была с ним меньше месяца, а теперь она на вершине мира. Я не пытаюсь заставить тебя прыгнуть в огненную яму, но эта ситуация выше нас. Следуй за ним, и тебе придется страдать всего несколько месяцев, не сделаешь этого, и ты будешь страдать всю жизнь", - посоветовала Ю Мэйлинь с растерянным видом.

Чжоу Юньшэн кивнул, он слышал ее беспокойство, но оно не проникло в его сердце.

После еще нескольких крупных планов горячая съемка наконец закончилась. Оператор быстро достал салфетку, чтобы вытереть пот, его глаза избегали тела молодого человека. Он мог гарантировать, что, пока реклама будет транслироваться, все будут кричать, чтобы насладиться этим прекрасным, ненасытным пиршеством.

Весь фильм не был сосредоточен на духах, но вы все равно чувствовали непреодолимый аромат. Он должен был признать, что, хотя эстетика Орландо казалась за пределами человеческих возможностей, она стоила поисков.

Чжоу Юньшэн принял душ, надел белую рубашку и пуховик и вместе с Ю Мэйлинь направился к лифту. Когда они прибыли, то увидели, что их ждет бесстрастный помощник Цао Мо Куна.

Помощник отвел двух человек в топ-клуб, Цао Мо Кун и несколько мужчин сидели за столом, их сопровождали несколько популярных звезд.

"Детка, ты здесь", - Цао Мо Кун протянул руку, чтобы усадить молодого человека рядом с собой.

Чжоу Юньшэн уставился на него своими персиковыми глазами, как бы спрашивая: "Когда я стал твоим ребенком?".

Цао Мо Кун любил ощущение близости от разговора с его глазами. Он указал на мужчин и представил их одного за другим. Некоторые из этих людей были высокопоставленными директорами АУА, некоторые были партнерами Цао по группе, было несколько руководителей ведущих отечественных производственных компаний.

Страх и трепет Ю Мэйлянь рассеялись, когда она потянула Чжоу Юньшэна, чтобы поприветствовать толпу, она преодолела свои предыдущие запутанные чувства. Она поняла, как Чжан Ицзя пронеслась сквозь славу, как ракета, она была под опекой этих богатых бизнесменов. Люди здесь были гигантами бизнеса, из тех, кого трудно было заметить, даже если ты предлагал им продать себя.

Чжоу Юньшэн знал, что его жизнь еще не на правильном пути, он не мог бы присоединиться к толпе Цао Мо Куна, даже если бы захотел. Он молча терпел, поприветствовал толпу и выпил чашку в знак уважения.

Цао Мо Кун был очень доволен его зрелой реакцией, он притянул его к себе и поцеловал в лоб. Затем он принес ему миску супа и мягко сказал: "Ты слишком худой, тебе следует есть больше питательных веществ. Что тебе нравится? Просто скажи официанту, не нервничай. У меня есть кое-какие дела, о которых нужно поговорить, не беспокойся обо мне".

Прошлый Лин Чэнцзэ был очень внимателен, пока Цао Мо Кун любил блюдо, он услужливо бросал его в свою миску. Последнее предложение Цао Мо касалось его поведения в прошлом.

Но нынешнему Чжоу Юньшэну было все равно, умрет ли он от голода у него на глазах. Он спокойно ел и думал о том, как справиться с этой самодовольной белой акулой.

Хотя это называлось обедом, Цао Мо даже не притронулся к зернышку риса, он просто говорил о бизнесе и даже заставил мужчин отдать свои визитные карточки Юй Мэйлинь, когда они уходили, его намерение держаться и воспитывать Линь Чэнцзе было очень ясным.

Сеть была крупнейшим капиталом брокера. С этими контактами У Тао был превзойден, он даже не был бы достоин чистить ее обувь! Лицо Ю Мэйлинь покраснело от волнения, она осторожно взяла визитки, увидела, как большой босс нетерпеливо отмахнулся от нее, и быстро убежала, не оглядываясь. Бессердечно продала своего художника его судьбе.

"Еда хорошая? Я могу попросить их приготовить еще", - Цао Мо Кун обнял мальчика, его тон был интимным.

"Нет, я сыт", - Чжоу Юньшэн отложил палочки для еды и приготовился вытереть рот, когда Цао Мо Кун протянул ему салфетку и тщательно вытер его.

"Хорошо, если ты закончил, мы можем идти", - Цао Мо Кун, как ни в чем не бывало, протянул руки, чтобы уйти.

"Цао Шушу, что ты имеешь в виду?", - Чжоу Юньшэн сидел неподвижно и отказывался вставать, он пытался разорвать зажим другого, но на самом деле оказался беспомощным против его хватки.

Это невозможно! После того, как он изменил свое тело, будь то сила или скорость, они были далеко за пределами нормы. Он должен быть самым сильным человеком в мире, как такое могло случиться?

Из-за этого открытия Чжоу Юньшэн, наконец, почувствовал некоторую растущую панику.

Цао Мо Кун поджал губы и рассмеялся: "Я не думал, что у тебя будет такая сила в этом маленьком теле", - ему все больше и больше хотелось обнять молодого человека, он снова сел и улыбнулся: "В любом случае, разве ты не пришел сюда, чтобы последовать за мной? Ты хочешь соблазнить меня, поэтому я позволю тебе соблазнить меня. Ты хочешь быть богатым и знаменитым, поэтому я сделаю тебя богатым и знаменитым, чем ты недоволен?".

"Я пытался соблазнить тебя, потому что мне нужны были деньги, но теперь у меня есть реклама, у меня снова есть деньги", - поскольку он не мог сопротивляться силой, Чжоу Юньшэну пришлось проявить некоторую слабость, он моргнул своими водянистыми персиковыми глазами и изобразил жалкое выражение.

Глаза Цао Мо Куна расширились, он притянул его к себе на колени, кусая за ухо, и прошептал: "Я знаю, что ты сблизился со мной из-за денег, но разве ты все еще не можешь любить меня? Ты должен думать наперед, 500 000 долларов могут купить тебе самое большее несколько комплектов одежды и сумок, куда ты пойдешь дальше? Если ты останешься со мной, я достану тебе все, что ты захочешь", - сказав это, он нетерпеливо прикусил мочку уха молодого человека, покусывая ее зубами, затем медленно высунул язык, чтобы исследовать, облизывая ухо.

Тело Чжоу Юньшэна было мягким, он жадно глотал свежий воздух, пытаясь восстановить рассудок, но сильная мужская атмосфера делала его все более и более зависимым. Эти руки были слишком знакомы, даже если его душа не могла сказать, его тело инстинктивно

приветствовало его.

Однако, охваченный паникой, Чжоу Юньшэн не заметил этой фамильярности.

Цао Мо Кун просто хотел немного подразнить его, но когда он начал, то уже не мог остановиться. Кожа молодого человека была слишком белой, слишком мягкой, слишком упругой и по текстуре напоминала молоко. Ему очень хотелось облизать все его тело, чтобы узнать, будет ли оно на вкус сладким молоком.

"Детка, посмотри на себя, ты весь красный", - он расстегнул молнию на джинсах молодого человека, просунул туда свою большую ладонь и слегка сжал. Он рассмеялся: "Ладно, больше никаких фокусов. Сколько ты хочешь?".

"Мне не нужны деньги, я не пойду с тобой, у меня есть парень!", - Чжоу Юньшэн, затаив дыхание, отказался.

"Парень? Хань Юй? Не будь смешным, детка, разве ты тоже не с ним из-за его денег? Теперь, когда его семья обанкротилась, он ничего не может тебе дать. Не говори мне, что ты любишь его больше, чем деньги", - Цао Мо Кун рассмеялся над этим, для него выбор любви вместо денег был смешон.

"Конечно, я люблю деньги, кто может честно сказать, что им не нужны деньги? Я сблизился с тобой, потому что мне срочно нужны были деньги. Если бы мне это не было нужно, я бы не предал Хань Юя. Ты прав, я люблю его больше, чем деньги", - Чжоу Юньшэн выдохнул, почти плача, его слезы висели на ресницах, отказываясь падать, он выглядел очень мило.

Цао Мо Кун поцелуями смахнул хрустальные слезы, прижался к нему бедрами и сказал, задыхаясь: "Верно, ты любишь его. Я не хочу, чтобы ты бросал его. Останься со мной на три месяца, а потом я освобожу тебя и дам тебе много денег. Я позабочусь о том, чтобы Цзи Хань Юй никогда не узнал. Ты доволен?".

Цао Мо Кун ослабил хватку и был вынужден отпустить его. Хотя у него было много способов уклониться от закона, принуждать других к своей постели было не в его стиле, это было очень высокомерно.

"Хорошо, ты можешь уйти, я дам тебе несколько дней на размышление", - наконец он зачесал назад растрепанные волосы и закурил сигару. Его глубокие глаза были полны насмешки: "Когда ты подавляешь чей-то аппетит, ты также должен знать предел, ты можешь снова прийти за мной, но это будет стоить тебе дорого". Даже после того, как он обдумал это, он все еще не мог поверить в так называемую истинную любовную речь мальчика.

"Иди подавляй аппетит своей сестры!", - подумал Чжоу Юньшэн и свирепо посмотрел на него, затем взял свой пуховик и быстро вышел.

"Ты выглядишь еще красивее, когда злишься", - Цао Мо Кун выплюнул струю дыма, напряженность между его ногами немного подергивалась, стимулируемая яркими сердитыми глазами молодого человека.